

миха, это захваливание и заклёвывание, вмѣсто обсуждения его дѣла на существу,—вѣдь право же Толстой заслуживаетъ этого.

Въ этомъ смыслѣ задача настоящаго сборника — представить соображенія для критическаго анализа религіознаго міровоззрѣнія Толстого—продиктована почтительнымъ къ нему вниманіемъ со стороны всѣхъ, принявшихъ участіе въ сборникѣ. Правда, среди нихъ нѣтъ ни одного, кто могъ бы считать себя религіознымъ послѣдователемъ Толстого, но нѣтъ и ни одного, кто не признавалъ бы религіозной значительности его жизненнаго дѣла. Религія Толстого не есть наша религія. Отверженіе имъ вѣры во Христа, какъ Сына Божія, Спасителя и Искупителя, и въ Его Церковь, живое тѣло Христово, проводитъ непроходимую грань между религіей Толстого и нашимъ пониманіемъ христіанства. И надо не сглаживать, но полнѣе выявлять это различіе во всей его глубинѣ во имя религіозной сознательности, ясности и опредѣленности въ наше время всякихъ поддѣлокъ и смѣшеній. Но насколько безспорно то, что религія Толстого не есть христіанство, столь же неоспоримо, что онъ *жилъ* этой своей религіей, и, надо сказать больше, *жилъ только* религіей, и это въ наши дни, въ нашемъ „просвѣщенномъ“ обществѣ, погрязающемъ въ беспросвѣтномъ религіозномъ индифферентизмѣ. Это, конечно, не была жизнь во Христѣ, но это была, хотя и съ болѣзненными вывихами, все-таки жизнь въ Богѣ. И именно это-то и придаетъ жизненному дѣлу Толстого такую религіозную значительность и возбуждаетъ къ нему религіозный интересъ. Онъ есть живой свидѣтель религіи, стоящій предъ лицомъ всего міра, носитель нѣкоего, хотя и низшаго, „естественнаго“, но все же религіознаго откровенія, подобно тѣмъ великимъ мужамъ, которымъ дано было возвѣщать людямъ о Богѣ внѣ христіанскаго откровенія. Въ его отталкиваніи отъ христіанства, въ глухотѣ къ его зову выражается религіозная ограниченность Толстого и его противленіе Христу, печать духа антихристіанскаго, но въ его постоянномъ устремленіи къ Богу, въ его живомъ богоощущеніи выражается его подлинное, религіозное призваніе.

Живая религіозная личность Толстого со всѣми своими безчисленными противорѣчіями, остается загадкой, которую каждый по своему разгадываетъ, по необходимости внося въ это разгадываніе и содержаніе своего собственнаго духовнаго опыта. Вотъ